

2012/3 (9)

Содержание

Теоретическая культурология

Горин Д. Г.

К феноменологии должного
и сущего: «иное царство»
и метафизика власти
в культуре России

Савруцкая Е. П.

Коммуникационный аспект
инновационных трансформаций
в конструировании социальной
реальности

Историческая культурология

Чистякова В. О.

Отечественное военное кино 1911–
2011 годов: медиатизация памяти

Сорокин А. П.

Лосунов А. М.

Мифологема «столичности» города
Омска: исторические основания и
современный контекст

Прикладная культурология

Синецкий С. Б.

Культурные трансформации
в XXI веке: осмысление перспектив

Садохин А. П.

Теоретико-методологические
ресурсы культурологической
экспертизы

Кочеляева Н. А.,

Разлогов К. Э.

Современное понимание культуры:
от теории
к законодательной практике

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета
Российского института культурологии

УДК 124.6:[82-1+316.423.3]

Рабинович В. Л.

«Изгой нынчести»:
МАЯКОВСКИЙ И ЧЕ ГЕВАРА

Ключевые слова: поэт, революционер, бытие, быт, В. Маяковский, Э. Че
Гевара

То, что составило часть заглавия в кавычках, сказал Роман Якобсон о Владимире Маяковском в статье «О поколении, растратившем своих поэтов», написанной в мае–июне 1930 года и опубликованной в сборнике «Смерть Владимира Маяковского» (Берлин, 1931).

А теперь спрошу: кем и за что изгой? Из какой нынчести? Куда изгой? Надолго ли? Почему?.. И — наконец: верно ли, что изгой?..

Но прежде сам Маяковский о близком сему: «Спрашиваю (Блока. — В. Р.): “Нравится?” — “Хорошо”, — сказал Блок, а потом прибавил: “У меня в деревне библиотеку сожгли”».

Вот это «хорошо» и это «библиотеку сожгли» — два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме «Двенадцать». «Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие — славу ей... Символисту надо было разобраться, какое из этих ощущений сильнее в нем. Славить ли это “хорошо” или стонать над пожарищем, Блок в своей поэзии не выбрал... Дальше дороги не было. Дальше смерть. И она пришла». (В. Маяковский. «Умер Александр Блок». Москва, 1921) [1].

А выбирать-то зачем поэту, если он поэт? Просто человеку — да, а поэту зачем? Ведь и «хорошо» (революция), чему следует радоваться, и стенания над пламенами, лижущими страницы книг в личной библиотеке личной усадьбы (так сказать, поэтов быт), — все это сюжеты (нарративы) для стихов, с собственно поэтическим не совпадающие. Разве что иногда — по случаю (если только случай от слова луч). И так бывало: «На смерть поэта» Лермонтова, «Размышления у парадного подъезда» Некрасова, в той же поэме «Двенадцать», в «Синих гусарах» Асеева, «Думе про Опанаса» Багрицкого, «Гренаде» — сами знаете кого... «Рыжем Мотеле» Уткина, «Верке Вольной» Голодного... А у Маяковского — в редчайших стихах. Зато любовь как состояние — всегда в сердцевине собственно поэтического (=лирического). А все иное — «Ах, это, братцы, о другом». Так, впрочем, и у Хлебникова. И здесь уже почти без исключений:

Гуманитарные исследования

Штейнер Е. С.

Левизна художественная и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–30-х гг. (Часть 2)

К 80-летию Российского института культурологии

Visual studies: теоретические исследования в Санкт-Петербургском отделении Российского института культурологии

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета Российского института культурологии

Чикишева А. С.

Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании

Васильев А. Г.

Vita memoriae, casus Poloniae

Рабинович В. Л.

«Изгой нынчести»: Маяковский и Че Гевара

Рецензии

Фадеева И. Е.

Текстуальные революции как феномен российской цивилизации: от геопоэтики к геосемиотике

Рейфман Б. В.

Путешествие как ойкумена, ищущая свою границу: по поводу книги «Путешествие как феномен культуры»

Научная жизнь

Богатырёва Е. А.

Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро

Гончарик А. А.

Международный культурный форум 2012 в Ульяновске: итоги и перспективы

поэтическое как топос (или локус) нескончаемых начинаний. Навсегда и навезде. Откуда изгнать невозможно. Разве только смертью смерть... А это уже из области быта — не бытия...

Конечно, можно вперекор бытовой нынчести указать на будущее, на что и указал Хлебников («Родина творчества — будущее, оттуда дует ветер богов славы»). Но и это не так. Потому что при начале — это пульсирующее (нулевое) время: при всегда, при везде, при... никогда (если смерть); но это опять таки быт, взрывающий бытие.

А вот теперь настал черед произнести три ключевых слова в случае Маяковского (как, впрочем, и всех — немногих — великих поэтов, здесь уже названных: М., Б., Х...): Поэт, Революция, Быт (усеченное бытие). Прибавлю к этому короткому списку поэтов Че Гевару — поэта, стихов, не писавшего, а сделавшего со товарищи «революцию кубинскую», талантливо и честно явившуюся для Евг. Евтушенко и его ровесников (и меня тоже) «королевой красоты». Да-да, Че Гевару. Ему и Маяковскому уже исполнилось бы в 2003 году 75 и 110 лет соответственно.

Итак, поэт и революция на фоне быта и Бытия. Или: «на фоне неба и во всю длину» (Сергей Соловьев, симферопольский поэт).

А теперь еще один логический (алогический) поворот. Логична ли контроверза «Поэт и революция»: как со-чувствие, как против-чувствие, как пред-чувствие? А может быть, скорее и правильнее едино-чувствие? Проверим...

Поэт и революция — тождественны. Более того, они — одно. И тот и другой (революционер) — «до основанья, а затем...». Спрашивать «зачем» — бессмысленно. Просто так и за здорово живешь. Как на душу бог. Сам себе же и бог. Столь же бессмысленно и противоположение Поэт и Революция (если, конечно, верно сказанное: меж до... и затем). В точке пересечения начала и затем без продолжения. Чистое становление — с нуля (даже без нулевого цикла). Всегда при начале. А дальнейшее следование — о другом. А приведение к нулю — это тоже созидание, только разрушительное. Целеполагание, только тоже разрушительное. Поэт — автор книги безбытного Бытия. Точнее — ее начала, Дня Ноль — когда некто носился над водами (которых еще не было) в безвидности и в бесслышности чего бы то ни было.

Таким образом, предметом и целью поэта (=демиурга-революционера) является, как и во всех иных человеческих случаях, мир. Только мир этот особый. Он — слово (=Слово). Творящее и творимое одновременно. Цель (=результат) погружена (=погружен) в становление. А, выходя из него, разворачивается в политический, идеологический и — в конечном счете — бытовой сюжет. Вот почему революция, срежиссированная, к примеру, Меерхольдом (на сцене ли, на экране) и революция улицы — разные революции. Если первая — поэтически бытийственна, то вторая — прозаически бытова (и та, и другая — *cum grano salis*, конечно). Но — слово как мир. Всецелый, всеохватный. Но и — предельно конкретный, частный, подробный. Как быт, но только аналитичный, внеидеологичный. Как Шопен, не ищущий выгод (Пастернак). Бытийственный быт.

Но поэт живет в действительном мире. И, поскольку живет, совсем уж вне быта быть не может. И даже Маяковскому — демиургу стихового, наиконкретнейшего слова — и тому «кроме свежесмытой сорочки...» — из бытового ничего не надо. (У Хлебникова — предел иной.)

Так Поэт и Революция, хотя и взаимотождественны, хотя и в рамках чистого становления, хотя и в пределах слова «творящего» и

«творимого» сразу, хотя и бытийственны, но и бытовы (улица, материальные блага, жизненные цели, исполненные человеческих — жизненных и высоких — страстей).

Что же делать? Выходы за рамки и входы в эти рамки и составляют тот физиологический раствор, которым только и живо начатое размышление.

«Нужно себя сжечь,/ Чтоб превратиться в речь» (Самойлов).

Попробую восстановить ало-синие пламена речи, как если бы я помешивал аналитической кочергой угля в остывающей, но все еще жаркой (!) печи, возженной поэтом, но все еще не остуженной в постреволюционном быте, оскалившемся на быт дореволюционный (Есенин: «Не знали вы, что я в сплошном дыму,/ В разворошенном бурей быте,/ С того и мучаюсь, что не пойму,/ Куда ведет нас рок событий»).

А Маяковский думал, что понимал: «Только мы — лицо нашего времени. Рок времени трубит нами» («Труба марсиан»). И... он же: «Надо вырвать радость у грядущих дней» («Юбилейное»). Для этой самой «нынчести», в которой приходится самого себя смирать, «становясь на горло собственной песне». Но как кого? Как революционера — поэта начала в его непрерывном становлении. Не ради ли быта из поэмы «Хорошо», когда приходится делать вид, что радуешься тому, что: «сыры не засижены, лампы сияют». Или: «Жезлом правит,/ Чтоб вправо шел./ Никогда не было так хорошо».

Сначала регулировщик на поэтово горло, а потом и сам регулировщику в помощь.

Так что же? Слава новому быту или убийственная над ним ирония? Скорее второе. И тогда начавшийся было соцреализм в поэтическом эпосе «Хорошо», «Владимир Ильич Ленин», если только включить нормальный слух (не обязательно чуткий, а просто нормальный), превращается в сюрреализм. И власть (с помощью своих, все еще наделенных остаточной грамотностью советников) это чувствует. «Партия и Ленин — близнецы братья...» — Не трансвеститы ли? А радость Ивана Козырева по поводу вселения в новую квартиру? — «Высота — во, ширина — во... И это ванная?» Это (если интонировано прочесть, а именно так один артист в мою телевизионную бытность в 1960-е читал это, правда, в очень узком кругу) дает точные габариты такой вот — гостиничного типа — квартиры: 3х3 с совмещенной с унитазом полуванной. С виду все правильно, а по сути — издевательство (почти Ленин). Такой вот получается этот новый быт: для агитки и втирания очков, только неизвестно кому. Но и в этом была своя радость, хотя и бесконечно далекая от собственно поэзии в ее спонтанной — внерезультативной — бесцельности вечного изначалья.

Дальше — больше. «Баня» и «Клоп». Роботообразный главначпупс, циник Моментальников со своим дежурным «Я всегда говорил, что лучше умереть под красным знаменем, чем под забором»,

Присыпкин в клетке в обществе будущего (сейчас мы уже трижды в нем), прикнопивший свои наивные и трогательные фотки (а по-тогдашнему мещанские) в своей — на поучительное обозрение — клетке. Может быть, единственное человеческое место, оставленное в качестве демонстрационной для исторически упраздненной мещанской скверны, в стерильном, как операционная, светлом (=унылом и пошлом) будущем.

Новый — принципиально внечеловеческий, сконструированный, неживой — быт. И это тоже чувствует власть победоносиковых, власть нового

быдла, основанная на постреволуционной сознательной лжи — вперекор правде революции в ее нечаянности изначально: словотворения словом же для чаемого дела в его умении чаять, но не умении делать. Зато для радости мечты, помещенной в это, казалось бы, нескончаемое изначально, поэтическое по преимуществу. Но соцбыт ощерился и оцетинился на поэтическое бытие. Однокоренное в паре бытие — быт уже не прослушивается и не просматривается.

Шкловский в статье «Памяти Хлебникова» пишет: «Государство... никогда не понимало по-человечески». И не поймет при капитализме тоже. Потому что оно государство... А может быть, и понимает, только молчит об этом. И Шкловский расшифровывает это молчание, обращаясь к Хлебникову: «Прости нас за себя и за других, которых мы убьем...». И это запоздалое (хотя и с загадом на будущее), невысказанное покаяние государства со товарищи (когда-то — поэтами бытия, ставшего жутким, идеологическим — не для человека, может быть, для человечества? — бытом).

И вновь: «Надо вырвать радость у грядущих дней». Но какую такую радость? Не из светлого ли будущего последнего действия пьесы «Клоп»? Ее там нет. Разве только для Присыпкина в фотках, припиленных им как раз для радости в его клетке. В грядущих днях радости нет. Она уже была в поэтическом изначально. Там же и осталась. И это поэтическое изначально и есть революционное. Но лишь как состояние. Как возможность творения нового мира из ничего. Как возможность, и никогда — осуществимость дела неумех (а далее — негодяев), коим поэты не нужны. Они — «Косой дождь» и «Азорские острова».

А куда же подевался гул от библейского «духа божьего, носящегося над водами» в до-словии улицы, которая «корчилась безъязыкая» и в этот миг тоже была поэтом? Маяковский уже не сможет сказать вслед за Блоком: «Слушаю музыку революции». Христос в белом венчике истаял. И впереди уже не он, а, опять таки, стерильная операционная грядущего коммунистического рая.

Но все-таки спрошу: откуда берется этот поэтический (=революционный) гул до-словия? — Маяковский дословно: «Откуда приходит этот основной гул — ритм — неизвестно». И где он существует: «вне меня, или только во мне, скорее всего, во мне».

Но и... вырывается наружу, становясь «музыкой революции», слышимой не только поэтами, но и «народом-языкотворцем», поэтически творящим начало. Бывает и такое, но, к счастью-несчастью, редко бывает.

Выходят за рамки: сам Маяковский; политик (Ульянов и Ленин для Маяковского — разные состояния одного человека...); Вознесенский (тоже о Ленине: «В Ульянова вселялся Ленин,/ Так что трещал на нем пиджак»). Я для меня мало... Меж разрушим и построим. Возможность невозможного? «Братание невозможностей» (Маркс)?..

Ставший быт сожрал Революцию как становящееся бытие. Сожрал и поэта. Как те перуанские судьи, выбрившие у бедной колибри пух и перья. Как некуда деться и поэту Маяковскому («Мама, ваш сын прекрасно болен./ Мама, у него пожар в сердце./ Передайте сестрам Люде и Оле,/ что ему уже некуда деться»). Или: «Любовная лодка разбилась о быт» с внешне будничным «Счастливо оставаться...»

С «точкой пулей» в своем конце. А как еще?..

А еще так: «Воскреси — свое дожить хочу» («Про это»).

Замечу: любовная лодка и есть поэтическое *per se*, невесть откуда взявшееся, творимое и творящее — революционное. Нескончаемо начинающееся. Сама душа. И покуда не разбилась — можно выплеснуть и окровавленную дать как знамя («Облако...»). Как, впрочем, и сердце, покуда у сердца пожар, но еще не пепелище. И потому — это сердце Данко. И потому же — как знамя. Для самовдохновения и вдохновения других.

Спустя десятилетия советско-белорусский поэт Аркадий Кулешов талантливо скажет:

Для вдохновенья флагу нужен ветер,
А мне для вдохновенья нужен флаг...

который у поэта всегда собственной — революционной — выделки. Он — препинание меж становиться (=жить Этим) и стать (=умиротвориться сделанным, даже если оно резко отлично от идеального замышления).

Драма души, бьющейся «на пороге как бы двойного бытия» (Тютчев). Вот она, эта драма: «... другая нога еще добегаёт с соседней улицы». Еще: «Я одинок, как последний глаз/ у идущего к слепым человека». Обретение одноглазой зрячести (бурлюковской) или исход в слепоту, в немоту, в хромоту — безвидную в конечном счете, выход из себя, из ряда вон («выскочу из сердца»). Сказать или воплотить? Великое, творчески одержимое меж...

Чем же обещает наполниться это личное (индивидуально-революционное) и общее (всеобщее вселенское) меж?

Маяковский («Про это»):

У лет на мосту
на презренье,
на смех
Земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
За всех расплачусь,
за всех расплачусь...

Расплачусь — бытово, расплачусь — бытийно. Поэтическое — через поэтическое (К. Кедров — А. Гусейнов) — сделалось этическим в пророческом одиночестве единственного глаза Поэта, идущего к слепым. Прозревшим на миг (революционный), ослепленным (едва ли не в тот же час) и ослепшим надолго... до следующего мгновенья, с живым ощущеньем того, что именно оно воистину воскрешающе прекрасно.

А нынчесть — где-то меж. Из нее быть изгнанным невозможно. Она может только убить, если личная жизнь сделается в данной нынчесть невозможной. А устроить ее невозможно тем паче. Это все равно, что «опыты с разогреванием мороженого» (Роман Яacobсон).

Нынчесть — единственно ускользающе фиксированное место со стрелкой о двух концах-остриях: в прошлое — в будущее. Вот почему ускользающая и потому же фиксированная (бытийственно-бытовое). Но и потому же выталкивает жизнь живущего в этой нынчесть. Куда же? В смертную жизнь — в жизненную смерть.

Футуристически-алхимическая *vita mortua*...

Вновь Яacobсон: «Мы растеряли чувство настоящего». Но и... «будущее —

оно тоже не наше. Через несколько десятков лет мы будем жестко прозваны — люди прошлого тысячелетия».

Вот оно — новое тысячелетие — наступило. А язык не поворачивается вслед за Якобсоном вторить ему. Потому что и нынешняя нынчесть тоже отвратительна («Жизнь прекрасна и отвратительна». Это я в соавторстве с Владимиром Владимировичем, но только М.).

...Снова потребен поэт. А народ-языкотворец «жив еще» (Пушкин — Годунов).

* * *

А что Эрнесто Че Гевара?

Попробуем включиться в событие имени. Этого имени... Ключевое здесь Че. Товарищ Че (Эрнесто — серьезный. Как НЭП по-ленински — надолго и всерьез). Но надолго ли? И не понарошку? Гевара — толковать оставляю кубинцам и прочим «латиноамериканцам». А вот Че? Подверстаю сюда ЧК и МЧС. Первое Ч — от чикать. Второе же — спасать в ситуациях. Но и по-твардовски:

Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

А как еще?!

Если Маяковский — Поэт, и только в этом качестве революционер, то Че — Революционер, и только в этом качестве поэт. «И слово стало плотью, в нее не обратившись» (От Иоанна).

Актуальнейшая «вселенская смазь». Разберусь ли?.. Разберемся ли?..

Короче: быть человеком трагично!

* * *

Пастернак. «Высокая болезнь». Про Ленина:

Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

...Льгот (быт) — гнет (черный быт небытия) — бытие (стиха).

Или (он же):

Оставлена вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста...

* * *

Платонов («Чевенгур») устами младенцев (=народа):

— Что-то коммунизма не видать?
— Так ведь ночь...

Речевой наив сокрыл наив изобразительный паузой ночи: просто слышать (говорить) можно, а просто видеть (изобразить) нельзя. Утопический наив как возможность простодушного (=поэтического?) образа. Буколика «Кубанских казаков», но и дистиллированная — не утоляющая обыкновенной жажды — вода. Но и... не радость (скучная безрадостность) бытия.

И в то же почти время — на седьмой (!) год революции: «Хочу сиять заставить заново...» (далее сами знаете, что сиять заново...). Не «могу», что для Маяковского куда органичнее, а всего лишь совсем не дерзкое «хочу». О быт разбился «человек и пароход» — поэт товарищ Маяковский.

Как, впрочем, и товарищ Че разбился о жуть приреволюционной жизнесмерти.

* * *

Что получилось? Сочинился суперпротиворечивый текст. Подстать всем этим нынчестям: той и этой (нашей).

Попробую про-яснить стихом (стихами). Моиими...

Считалка

*Эники-беники
ели вареники*

Хотел бы в единое слово
Вместить все различья ab ovo
По виду, на цвет, по уму,
Но люди с упертостью бычьей
Хотят, чтобы все без различий
Мелькали один к одному,
Как кошки весеннею ночью

Серы, но ведь это лишь ночью
Все серы они и точь-в-точь.
Он ночью банальный приветник,
А днем он надворный советник,
Она — шамаханская дочь.

Различие иль безразличье?
Вот это иль типа того?
Не знаю, как раньше, а нынче
Вам радостно жить типово? —
Я спрашиваю, не отвечая,
Души в разнородье не чая.

И только оранжевый Беник
И Эник, в парижках учен,
Взяв вилку, пошли на вареник,
Он спелую вишней чинен.

Бубенчики все раззвенелись,
И все встрепенулись флажки,
О колоколе мечтая,
А также о флаге большом.

Свое отмечтав, не забыли
Сыграть у подножья горы
Все мюзиклы, все водевили
И все золотые шары.

На данный момент все довольны
И рады всему, что не так...
Бубенчик звончей колокольни,
Флажок веселее, чем флаг.

Революционное

Из великих революций
Я отдам признание той,
Как типограф Альд Мануций
Мир украсил запятой.

Мир был целый и единый
И настолько был простой,
Что как неразъединимый
Не нуждался в запятой.

Так бы пело и сияло
Слово, круглое совсем,
Если бы не состояло
Из прерывистых фонем.

Словно пульс сердцебиенья,
Непостижного уму,
Как дыханье и как зренья
Вот от этого к тому.

И, вначале не переча
Самому себе же, но
В ток членораздельной речи
Камнем бросилось оно.

В Ниагару вырастая,
Взбился о камень ручей...
Так возникла запятая —
Препиналица речей.

Видимо, чтоб оглянуться
И остановиться чтоб,
Взял и выдумал Мануций
Запятую, морща лоб.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маяковский В. Умер Александр Блок // Маяковский В. Собр. соч. М., 1978. Т. 2. С. 469.*

© Рабинович В. Л., 2012

© Назарова Н. В., фото, 2012

Статья поступила в редакцию 25 июля 2012 г.

Рабинович Вадим Львович,
доктор философских наук,
кандидат химических наук, профессор,
заведующий сектором «Языки культур»,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: rabinovich@mail.ru

UDC 124.6:[82-1+316.423.3]

Rabinovich V.

**“ALIEN TO NOW”:
MAYAKOVSKY AND CHE GUEVARA**

Précis. The report was presented during the jubilee session of the Academic Council at the Russian Institute for Cultural Research. The author addressed the fate and fortunes of a Poet and a Revolutionary against the daily life backgrounds.

Key words: Poet, Revolutionary, existence, daily life, Vladimir Mayakovsky, Ernesto Che Guevara

Rabinovich Vadim Lvovich,
Doctor in Philosophy, Ph.D. in Chemistry, Professor,
Head of the Cultures' Languages Department
of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow)
e-mail: rabinovich@mail.ru